

Путевой обходчик

Встречать и провожать

Удовольствие от жизни черпается из наших встреч с новым, а потому нет большего счастья, чем постоянно менять свои горизонты, встречая каждый день под иным солнцем.

Джон Кракауэр,

американский писатель, журналист и альпинист

1.

Пассажирский поезд № 1 Москва — Владивосток встретился обходчику, когда он подходил к откосу в том месте, где автомобильная дорога и убегающий к речке Тайшетке ручей как нигде далее приближались к железнодорожным путям.

Обходчик встал на обочину и, провожая поезд, поднял вверх руку. Так он делал уже много лет, встречая и этот, и другие пассажирские поезда. Многие машинисты электровозов и их помощники знали в лицо обходчика и приветствовали идущего по путям человека. Иногда гудком, иногда, взмахом руки из открытого окна локомотива. Своё уважение к обходчику выражали и локомотивные бригады грузовых поездов, и машинисты, развозившие грузы по магазинам отделов рабочего снабжения. Магазины эти, называемые орсовскими, были почти на каждой станции. Доставляющий груз состав, состоящий из электровоза и одного вагона, назывался хлебным. Испечённый накануне в тайшетградской железнодорожной пекарне хлеб, бесспорно, был главным грузом таких вагонов,

но возили в них, как принято было говорить, и товары первой необходимости: крупы, соль, макароны, сахар, консервы. А ещё, что бывало нередко, доставляли до станции по заказу железнодорожников купленные ими в кредит стиральные машинки, холодильники, мотоциклы, мебель. Как правило, на таких поездках работали пожилые машинисты, иногда пенсионного возраста, которых обходчик знал уже много-много лет. Некоторых из этих седовласых и седоусых уважаемых людей, он помнил ещё школьниками.

С особым чувством обходчик встречал и провожал поезда, идущие из Москвы. Их было немало: иркутский, читинский, хабаровский, поезда, идущие до Улан-Удэ, Владивостока, Улан-Батора и даже Пекина. За многие годы время следования их менялось, и бывало, что некоторые из них обходчик не встречал на своём пути годами, но потом они снова появлялись в утреннем или дневном расписании.

«Я, видимо, так примелькался на путях, что некоторые пассажиры, часто едущие по Транссибу, уже узнают меня, — думал обходчик, поднимая в приветствии руку и нередко замечая в окнах адресованные ему ответные жесты пассажиров. — Вот и машут. Как Володька Сапрунов махал мне даже тогда, когда я его и не видел...»

Старый мотив железных дорог,
Вечная молодость рельсовых строк...
Кажется, будто вся жизнь впереди.
Не ошибись, выбирая пути!

Последнее время слова этой песни были его попутчиками при обходе порученного ему участка железной дороги.

Впервые он услышал песню летом 1977 или 1978 года.

В то утро, перед обходом пути, когда вышел он из конторы, к перрону прибывал пассажирский поезд, и из него буквально высыпалось едва ли не полсостава пассажиров. Молодые люди в куртках с нашивками студенческих строительных отрядов, с гитарами и рюкзаками заполнили всё свободное место перед вокзалом. Они вначале разбились на несколько групп, свалив рюкзаки в одно место, но когда двое или трое парней с гитарой ударили по струнам и запели, все остальные, дружно взявшись за руки, образовали большой круг. Окружив рюкзаки и гитаристов, они пошли водить весёлый хоровод, поднимая при этом руки, подпрыгивая и выкрикивая слова песни.

Судьба моя, мечта моя — далёкие пути,
Да вечное движение, да ветры впереди.
Глаза пристанционные зелёные сверкнул —
До отправления поезда осталось пять минут.

Это радостное столпотворение напомнило обходчику и послевоенное время — 1945 год, когда пел и плясал на этом перроне Краснознамённый ансамбль, и декабрь 1965-го, когда встречали здесь первый поезд из Абакана, и год 1974-й, когда останавливался здесь первый поезд строителей Байкало-Амурской магистрали.

И впервые в жизни своей обходчик позавидовал. Он позавидовал этим поющим и прыгающим парням и девчонкам, у которых действительно вся жизнь была впереди, и они знали и были уверены (во всяком случае, в то время и в то утро), что́ им нужно делать и что́ они будут делать дальше.

За окнами вагонными гитары говорят,
Как будто вся страна моя — строительный отряд.
Друзья мои надёжные с дороги не свернут.
До отправления поезда осталось пять минут.

До отправления поезда студентов было не пять минут. Они только приехали на иркутском поезде и ждали поезда другого, из Красноярска, который должен был увезти их следующим утром на Байкало-Амурскую магистраль — в Усть-Кут и Северобайкальск.

И пусть уже распахнута космическая даль,
Идёт-грядёт великая земная магистраль.
Проложим за Байкалом мы невиданный маршрут.
До отправления поезда осталось пять минут.

Как оказалось, студентам выделили три плацкартных вагона, которые ожидали их на запасных путях, и эти вагоны потом подцепили к прибывшему из Красноярска поезду.

Позже несколько раз обходчик и слышал эту песню по радио, и видел выступление вокально-инструментальной группы «Надежда» по телевизору. Девять парней, играющих на различных музыкальных инструментах, и одна девушка пели песню композитора Александры Пахмутовой и поэта Николая Добронравова про «старый мотив железных дорог» и «вечную молодость рельсовых строк». И обходчик восторженно, с наслаждением вспомнил далёкий уже день, когда проезжала

через Тайшетград в поезде, идущем на строительство Братской ГЭС, группа поэтов, композиторов, артистов. Их встречали с цветами на перроне работники районного и городского отделов культуры, железнодорожное начальство. Был там и обходчик. Поезд стоял почти сорок минут, и он видел, как прогуливались по перрону москвичи. Телевидения тогда в Тайшетграде ещё не было, и он, конечно же, не мог знать в лицо этих известных уже на всю страну людей.

Про них ему рассказала проводница вагона, к которой он обратился.

— Вот видите небольшого роста белокурую женщину? — кивнула она в сторону прогуливающихся пассажиров. — Это и есть Александра Пахмутова, а рядом с ней высокий мужчина — поэт Николай Добронравов. Её муж.

— Спасибо вам! — поблагодарил общительную проводницу обходчик. — Приду домой — сестре расскажу, что видел таких известных людей!

— А вот этот чернявый молодой человек возле них... вон, вон, справа! — певец Иосиф Кобзон. Очень талантливый парень... — с улыбкой принимая благодарность, сказала проводница.

И действительно, когда появилось в Тайшетграде телевидение и в начале 1973 года стали транслироваться передачи из Москвы, обходчик видел и узнавал на экране людей, прогуливавшихся когда-то по перрону тайшетградского вокзала.

За годы больших строек — Абаканской трассы, Братской гидроэлектростанции, Байкало-Амурской магистрали — проезжало через Тайшетград и прогуливалось по перрону станции немало известных в стране людей, работающих в области культуры и искусства. И звучали потом, лаская слух и радуя сердце, песни про Братск, БАМ и даже речку Бирюсу.

Там, где речка, речка Бирюса,
Ломая лёд, шумит-поёт на голоса,
Там ждёт меня таёжная,
Тревожная краса...

Замирало сердце обходчика от слов поэта Льва Ошанина и музыки композитора Эдуарда Колмановского. Особенно любил обходчик, когда песню исполнял певец Дмитрий Ромашков.

Может быть, и он был тогда в том поезде и тоже прогуливался в то утро по перрону вокзала? А может, Ошанин,

Колмановский и Ромашков проезжали Тайшетград в другой раз и обходчик их не встретил?

Много лет прошло с того дня, когда видел обходчик на перроне «культурный десант на Братскую ГЭС», как потом написали в газете. Пять или шесть лет прошло уже и с того дня, как впервые услышал обходчик в исполнении студентов песню про «вечную молодость рельсовых строк».

Но и сейчас, в конце мая 1983 года, песня эта звучала и звучала для него. Она слышалась в стуке колёс пробегающих мимо поездов, в гудках электровозов, в приветствиях машинистов и пассажиров, в голосе диктора, делающего объявления на вокзале.

«До отправления поезда осталось пять минут», — едва ли не каждый день слышал он уже много-много лет и зим...

2.

Не один десяток вёсен шагал обходчик по своему участку. Много-много раз видел он, как появлялись на ветках деревьев зелёные листочки, зацветали ранетки, черёмуха и сирень. Помнились ему и ранние вёсны, когда уже в марте начинало припекать солнце, в начале апреля трещал лёд и начинался ледоход. Задиристые смельчаки на глазах очевидцев лезли купаться в Бирюсу, когда по ней проплывали последние льдины. Обычно ледоход заканчивался к маю, и тогда уж непременно находились среди подростков и взрослых любители открыть купальный сезон. Традиционно самые смелые шли на речку первого мая. Да и сам обходчик двенадцати-четырнадцатилетним пареньком, на спор с соседскими ребятами, окунался первого мая в свою речку Баеру. И братишка его младший не отставал. Мать их ругала, а отец молчал. И обходчик, и брат его знали, что молодым отец их тоже купался на Первомай в Баере. Такая уж традиция была у многих сибиряков. Но почему была? И нынче продолжается! Чуть ли каждый год видит обходчик собравшихся первого мая подростков на Бирюсе и в Бирюсинке, совершающих обряд первого купания.

Да, случались на его памяти очень тёплые, даже полетнему жаркие весенние дни. В середине мая зацветала яблонька-ранетка, сразу за ней черёмуха, а следом и сирень. Но бывали и холодные, затяжные вёсны, когда только в двадцатых числах мая появлялась первая травка, а на пригорках — цветы-первоцветы и пробивались на деревьях листочки.

И берёзовый сок стекал по стволам только во второй половине мая, и с запозданием появлялось знакомое каждому сибиряку растение — черемша. Этот дикий чеснок, пригодный в пищу лишь короткое время — месяц-полтора, заготавливали все поголовно жители Баеры, Тайшетграда, Городка на Бирюсе и Бирюсинки. Заготавливали помногу. Черемшу ели и с солью, и без соли, поливали сметаной, солили на зиму. В Сибири, да и по всей России, традиция делать засолы, наверное, будет всегда. И прадеды, и деды, и внуки, и правнуки заготавливали и заготавливают многое впрок («на зиму»): солят грибы, капусту, помидоры, огурцы. В Хакасии и в Минусинске, слышал обходчик, закладывают в кадушки даже небольшие арбузы, выращенные в Сибири и называемые абаканскими. А в европейской части России, как рассказывал зять обходчика, при засолке в капусту кладут яблоки.

Солёный арбуз обходчику попробовать приходилось. Было это на торжественном обеде, посвящённом открытию железнодорожной трассы Абакан — Тайшет, в декабре 1965 года, куда не просто пригласили, а привезли на автомобиле начальника отделения дороги, обходчика и его сестру. В железнодорожном ресторане квадратом вдоль окон и стен были расставлены столы, за которыми сидело, наверное, больше сотни человек. Приехал даже сам министр путей сообщения. Начальник Восточно-Сибирской дороги предложил поднять бокалы за тех, кто много лет изо дня в день делает своё скромное, а в целом большое для всех дело — следит за безопасностью движения поездов. Среди других начальник назвал и обходчика. Под торжественные возгласы и звон фужеров обходчику и его сестре преподнесли на тарелочке дольки солёного арбуза.

«Арбуз как арбуз, только солёный... — улыбнулся воспоминанию обходчик. — А вот яблок, засоленных с капустой, я так и не попробовал...»

3.

Путь в этот день, сопровождаемый встречными и попутными поездами, а также светлыми воспоминаниями, показался ему коротким. Обходчик заглянул в дом «на седьмой версте», поздоровался с работающими на этом участке монтажниками, бригадиром и мастером путейцев. Остановился он на несколько минут и в еловом лесу, осматривая полянки, где в прошлом году собирал маслята и боровички и где, по его прогнозам,

через полтора месяца покажутся маслянистые шляпки грибов новых.

На станции Бирюсинка с электрички двумя стайками выпрыгнули на перрон девчонки в белых школьных фартуках и несколько мальчишек в строгих костюмах и при галстуках.

«Сегодня же последний звонок для выпускников школ...»

Он вспомнил, что видел утром в Тайшетграде торопившихся в школу нарядных десятиклассников. Трудное лето ждало многих из этих молодых людей: школьные экзамены, потом экзамены в институт. Отдыхать некогда: одно волнение за другим. Короткая радость успешно сдавших экзамены и зачисленных в вуз сменится хлопотами и новыми волнениями. А там уже и сентябрь.

«Как быстро сгорает короткое лето...» — вспомнились вдруг обходчику слова ещё одной песни.

Короткое лето...

Да, лето всегда кажется коротким. Хотя за лето люди успевают сделать столько, сколько потом не делают за осень, зиму и весну. Выращивают урожай на полях и огородах, готовят сено для скота, заготавливают ягоды и грибы, успевают съездить в отпуск, совершить путешествие в горы и тайгу, к озёрам, островам, посмотреть на новые города.

Много что можно успеть за лето. Обходчику иногда даже кажется, что время года, называемое летом, отмечено особым знаком. Особой частицей в жизни человека. Лето — это земной рай. Не нужно топить печку, чтобы согреться, можно питаться овощами с огорода и ходить в магазин только за хлебом и солью, в лесу собирать ягоды и орехи, в тёплой речке и озере ловить рыбу.

Листая календарь, обходчик улыбался, отмечая, что осень по календарю длится девяносто один день, зима — девяносто, а вот весна и лето имеют по девяносто два дня. Понятно стремление человека сделать весну и лето длиннее осени и зимы. Хотя бы в календаре.

Обходчику вспомнились молодые годы и старики-законники, которые не признавали существующий («новый», как они говорили) календарь и вели своё летоисчисление, по которому был на дворе не год одна тысяча девятьсот какой-то, а семь тысяч четыреста с добавленными десятками лет. Обходчик хорошо запомнил, как старики говорили, что есть только три времени года: осень, зима и весна, а летом (Лето) называется весь

годовой цикл, о чём записано в летописях и ведётся летоисчисление. Старики говорили о другом календаре, состоящем из девяти месяцев, называя их поимённо. Месяцы делились на чётные и нечётные и составляли по сорок и сорок одному дню. В сумме получались те же триста шестьдесят пять дней, что и в календаре нынешнем. Один раз в шестнадцать лет год называли високосным. Он состоял из тех же девяти месяцев, но все они были по сорок одному дню. И дней недели в том календаре было не семь, а девять: понедельник, вторник, третейник, четверик, пятница, шестича, седмица, осьмица, неделя. Неделя был завершающим днём, и первый новый день недели назывался понедельник — по неделе первый.

«Когда через девять дней поминают умершего человека, это значит — неделя после смерти его прошла, а на сороковины — месяц. Всё остальное — надумано и придумано уже позже», — говорили старики-первожители его родного села Баеры.

Говорили старики и о часах, о том, что сутки должны начинаться с вечера и продолжаться не двадцать четыре, а шестнадцать часов, но час должен быть длиннее нынешнего. Обходчик записывал тогда в тетрадь названия месяцев старого календаря и названия каждого часа. Эта тетрадь до сих пор хранится у него, и он, иногда просматривая её, с удовольствием читает название каждого часа: Паобед (начало нового дня), Вечир (появление звёздной росы на Небесах), Ничь (нечётное время трёх Лун), Поличь (полный путь Лун), Заутра (звёздное утешение росы), Заура (звёздное сияние, заря), Заурнице (окончание звёздного сияния), Настя (утренняя заря), Сваор (восход Солнца), Утрось (успокоение росы), Поутрось (путь собирания успокоенной росы), Обестина (обедня, совместное собрание), Обед, или Обесть (трапеза), Подани (отдых после трапезы), Утда이니 (время окончания деяний), Подудани (завершённый день).

Поличь, Заутра, Обестина: каждое слово — как музыка!

Под статью названиям часов и названия месяцев: Рамхат — месяц божественного начала (сорок один день), Айлет — месяц новых даров (сорок дней), Бейлет — месяц белого сияния и покоя мира (сорок один день), Гэйлет — месяц вьюг и стужи (сорок дней), Дайлет — месяц пробуждения природы (сорок один день), Элет — месяц посева и наречения (сорок дней), Вейлет — месяц ветров (сорок один день), Хейлет — месяц

получения даров природы (сорок дней), Тайлет — месяц завершения (сорок один день).

Тайлет, месяц завершения, всегда напоминал ему про начальное название станции — Тайшет. «Тай» — завершение чего-то, как говорили старики.

«Может, те, кто жил раньше на земле, были мудрее нас? Хотя они не знали электричества и железных дорог, не летали в космос... Но, может быть, это и не нужно было им? Может быть, у них было другое представление об устройстве природы?»

4.

Философские размышления обходчика прервал гул набирающей ход и отходящей от Бирюсинки электрички. Обходчик отошёл на обочину. Ему, улыбаясь, махал молодой помощник машиниста. Обходчик приветливо кивнул парню.

Сколько лет этому парню? Наверное, нет и двадцати... Может быть, он знал его деда или даже прадеда? Может, не один раз встречал при обходе его отца или дядю? Сколько людей встретились ему за годы работы на его пути, когда он шёл от конторы станции до Бирюсинского моста и обратно? Теперь уже не сосчитать...

Электричка, набирая ход, пошла в Тайшетград. Скоро туда пойдёт и он. Дойдёт до моста, посмотрит на вечную речку Бирюсу, на недавно отремонтированный мост и, повернувшись, пойдёт обратно: мимо станции Бирюсинка, мимо зелёных зимой и летом ёлок, мимо дома «на седьмой версте», по откосу, рядом с которым бежит к Тайшетке-реке непересыхающий ручей...

Пойдёт вдоль путей — где по шпалам, где по обочине — и будет приветствовать проходящие поезда. Как делает это уже много-много зим, вёсен, лет, сентябррей, октябррей, ноябррей...

Старый мотив железных дорог,
Вечная молодость рельсовых строк...